

раскрывает себя любовь, эта центробежная сила бытия, исходящая от знающего Истину? Не останавливаясь на подробностях, напомним лишь общезвестное место из «Гимна любви» апостола Павла, в котором сказано все: *Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мстит, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познал. А теперь преобладают три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше (1 Кор. 13, 4—13).*

О ЛЮБВИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

В начале всякого размышления о христианском понимании любви вспоминаются слова апостола и евангелиста Иоанна Богослова: *Бог есть Любовь (1 Ин. 4, 8)*. Кажется бы, эти слова вообще снимают какие бы то ни было рассуждения о любви: любовь наша хороша и разнообразна христианству, если она похожа на Любовь, Которая есть Бог. Однако уже при более глубоком размышлении на эту тему становится очевидным, что все не так просто, и то, что мы в сфере человеческих отношений обычно называем столь емким и возвышенным словом «любовь», требует по крайней мере внимательного рассмотрения и детальной оценки в свете христологии, сотериологии и христианской антропологии.

Некоторые христианские мыслители различают любовь-дар и любовь-нужду. Пример первой из них — любовь к своей семье самоотверженного отца. Пример второй — любовь ребенка, который ищет у родителей защиты от непонятного и пугающего мира.

Любовь-дар очень похожа на Любовь Господню. Отец отдает Себя Сыну, Сын — Отцу и миру и, наконец, дарует Отцу самый мир в Себе и через Себя. Любовь-нужда, напротив, на нее совсем не похожа. Однако самое недолгое размышление приведет нас к тому, что никогда и ни в ком не нуждается только очень эгоистичный и гордый человек. Люди и впрямь нужны друг другу — *нехорошо быть человеку одному (Быт. 2, 18)* — и в сознании это отражается как любовь-нужда. Ощущение полной самостоятельности — плохой духовный симптом, как плохой симп-

том — отсутствие аппетита, ибо нам действительно надо есть.

Наше духовное здоровье находится в прямой зависимости от нашей любви к Богу, а эта любовь почти целиком сводится к нужде. Лишь высокие духом дерзают говорить, что вышли за ее пределы. Но ведомые им высоты стали бы бесовской прелестью, если бы они сочли, что им «ничего не нужно» от Бога. «Высшее не стоит без низшего», — читаем мы у одного из таких духовных подвижников. Те, кто испытал любовь-дар к Богу, били себя в грудь вместе с евангельским мытарем и зывали из глубин немоции духовной. Таким образом, любовь-нужда неотъемлема от высочайшего сознания духа. Человек ближе всего к Богу когда он, в определенном смысле, на Бога не похож и осознает эту непохожесть, эту несостоятельность и немощь. Отсюда следуют важные выводы, без которых невозможно размышление о любви.

Господь дал сходство с Собою всему тварному миру. Так, пространство и время отражают Его величие, всякая жизнь — Его творческую силу, человек — Его разум. В этом смысле всякий человек, независимо от его добродетелей и пороков, больше похож на Бога, чем низшие создания Божии. Но есть и другая близость — мы близки к Богу, когда верен наш путь к единению с Ним. Близость к Богу «по сродству» ограничена, замкнута, закрыта, как тупик. Сильный, свободный, уверенный в себе, самодостаточный человек не напомним христианского святого, но греческого героя или персонажа утопического мифа. Наше подражание Богу в земной жизни должно быть подражанием Христу. Образец наш — Спаситель, не только во славе на Фаворе или по Воскресении Своём, но и в тяготах земной Своей жизни: на дороге, в толпе, среди настойчивых просьб, слов осуждения, угроз и бурных споров, которые не давали Ему ни отдохнуть, ни уединиться. Именно эта жизнь в немощи, так странно и разительно непохожая на жизнь Божественную в нашем понимании, не только похожа на нее — это она и есть здесь, на земле, в падшем мире.

Так и любовь ближе всего к Богу не тогда, когда она сильна, свободна, самодостаточна. Когда земная любовь берет на себя Божественные полномочия, она уподобляется в своей гордыне не Богу, а демону. Как и человеку, любви необходимо смирение. Ей необходимо то самое «умаление», тот самый «кенозис», который в высочайшей степени проявил вочеловечившийся Спаситель. Иначе мы придадим человеческой любви безусловную, ничем не окупленную ценность, которой она не заслуживает, оставаясь в рамках падшего земного бытия. В противном случае она станет не Богом, а кумиром, идолом, и разрушит нас, а заодно и себя.

Теперь, имея это в виду, рассмотрим подробней разные виды человеческой любви.

ЛЮБОВЬ-ПРИВЯЗАННОСТЬ

Начнем с самой обычной, повсеместной любви-привязанности. Самый простой ее пример — любовь к детям. Сразу видно, как нераздельно тут слиты любовь-нужда и любовь-дар. Если мать не родит, она умрет; если не покормит своего ребенка вовремя, она сама заболеет. Родительская любовь — это нужда, но нуждается она в том, чтобы давать.

Однако привязанность выходит далеко за пределы семьи. Она не знает различий пола, возраста, социальной принадлежности, даже биологического вида (вспомним нашу любовь к животным). Привязанность бывает почти незаметной, но она облекает, пропитывает нашу жизнь. Пронигмывает она и другие виды любви. Скажем, влюбленность может просуществовать без нее очень недолго, а если просуществоет — обретет меру человеческую, приблизившись к любви ангельской (любовь Данте к Беатриче, пушкинский «рыцарь бедный»), но чаще — к любви демонической, бесовской (вспомним, как быстро и губительно искажался на средневековом Западе культ «прекрасной дамы»).

Привязанность, к примеру, особенно ценна тем, что выводит нас за пределы своего выбора. Если у меня есть друзья — это еще ничего не говорит о моих добрых качествах: я выбрал этих людей, как выбрал книги, которые стоят у меня в комнате. Привязанность же учит нас сперва замечать, потом терпеть, а потом и ценить тех, кто по воле Божией оказался рядом с нами.

Но тут мы подходим к опасной черте. Привязанность обращает наш взор к чертам неприметным; она открывает нам в других образ Божий, как открывает его смирение святости. Быть может, это и есть сама любовь? Быть может, домашнее тепло и есть христианская жизнь?

Прежде всего, такое мнение противоречило бы словам Спасителя: *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и братьев, и детей, и братьев и сестер, а придет и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 26), или *враги человеку — домашние его* (Мф. 10, 36).

На свете мало счастливых семейств. Иногда причина тому — ненависть и злоба, но очень часто дело именно в сильной любви. Свойства привязанности, как свойства всех земных ценностей, двойственны; они могут породить и добро, и зло. Если дать им волю, не преобразить их духовно, они искажаются и вконец разрушат нашу жизнь.

Привязаться можно к каждому, поэтому каждый может ждаться, что к нему привяжутся. Если же этого не происходит, у человека, не сломившего свою самость, возникает злобная досада, необычайно тяжелая, практически неизлечимая (вспомним неутолимые сетования тиранических отцов, которых на старости лет

едва терпят, а то и просто не терпят взрослые дети). Те же, кто как бы должны испытывать привязанность, особенно остро ненавидят близких, которые ждут от них любви. Когда неприятный человек неостанно укоряет родных, кричит на них, упрекает, обижается, они теряют душевное равновесие, но ничего сделать не могут. Если в них и затеплится жалость к нему, он уничтожит ее ненасытностью и жалобами. Таковы плоды того, что привязанность (когда она есть) дается даром.

Не лучше обстоит дело с принужденностью, которую она порождает. Часто приходится видеть, как грубы бывают властные родители со взрослыми детьми или строптивые дети — с родителями. В современном обществе бытует убеждение, что вежливость нужна только с чужими, а дома, со своими, допустимы неуважение к другой личности, деспотизм, самодурство. На самом деле никаких исключений для вежливости и учтивости нет и добродетели эти основаны на принципе «не предпочитай себя другим». Чем официальнее ситуация, тем строже выполняется этот принцип. На людях можно обойтись привычными знаками внимания, которые общество вырабатывает в течение многих столетий. Дома требуется истинная учтивость. Если этого нет, семью измучает, а то и разрушит самый эгоистичный ее член. То, как человек ведет себя дома, показывает, вежлив ли он или только умеет притворяться. Когда мы действительно считаем интересы других более важными, чем свои собственные, мы вправе держаться сколь угодно непринужденно; мы можем поддразнивать, подшучивать, разыгрывать, если помним о бесконечной ценности, безусловном достоинстве другого. Чем чище и выше привязанность, тем точнее она чувствует, когда ее слова не причиняют боли. «Домашний хам» дает себе свободу, чтобы тешить свое самолюбие или просто глупость. Если близкие этого не выдержат, он замкнется в злой досаде, бормоча про себя: «Ах, вот оно что, вежливость им понадобилась! А я-то думал, мы люди свои», и станет вести себя с оскорбительной, утрированной вежливостью. Дома же формальные «светские манеры» свидетельствуют как раз о невежливости. Домашняя учтивость совсем иная.

К досаде, которую порождает борьба себялюбий в семье, часто примешивается ревность. Дети или родители страдают ею ничуть не меньше, чем влюбленные. Особенно мучительна ревность домашних не к человеку, а к каким-то неведомым ценностям: посмотрите на неверующую семью, где кто-нибудь обратился, пришел в Церковь, или даже просто на семью стяжателей, где кто-нибудь решил жить скромно и по совести. Конфликт так тяжел, что поневоле вспоминаешь слова Спасителя о «домашних».

До сих пор речь шла о своеобразных искажениях того рода привязанности, которую можно назвать «привязанностью-нуж-

дой». У «привязанности-дара» тоже есть тяжкие искажения. Самый наглядный, привычный для всех пример — страстная материнская любовь, свойственная того рода женщинам, которых современная психология называет «сверхзаботливыми». Стоит ли описывать, как деспотична, навязчива, нетерпима такая любовь и как губительна она для ребенка? Истинная материнская любовь одаривает собой лишь затем, чтобы ребенок стал самостоятельной личностью, уже не нуждающейся в опеке. Цель хорошей матери — стать в конце концов ненужной. «Я больше ему (им) не нужна», — это чувство — лучшая награда для нее, признание полного успеха воспитания. Мать же «сверхзаботливая» страдает из-за желания видеть своего, ею выбранного добра, как Великий Инквизитор в романе Ф. М. Достоевского. «Ты мне потом спасибо скажешь, если сделаешь по-моему», — убежденно говорит такая мать. Совесть ее при этом чиста, ибо она действительно «не падит себя» — недосыпает, устает и т. п.; отсюда она выводит, что эгоизма в ней нет, тогда как на самом деле она преисполнена самого худшего духовного эгоизма, которому свойственна полная уверенность в своей правоте и отношении к человеку как к вещи, а не как к личности.

Конечно, это касается не только матерей. Опасность эта очень сильна для учителей, воспитателей и, что особенно важно, для духовников, вообще для всех, кто по своей земной роли может решать что-то за других.

Очень тяжела привязанность деспотичных людей, когда они обращают ее на животное. Здесь ошибка кажется особенно нервной, ибо животное как бы и не личность. На самом же деле там, где исчезает личностное отношение к любимому, любовь превращается в чувство столь же мрачное и тяжелое, как и ненависть. Собственно говоря, деспотическая любовь так сильно смешана с досадой и неуважением, что ее трудно, а то и невозможно отделить от ненависти и господства. В каждом из нас таятся семена злости. Если привязанность сама по себе завладеет нашей душой, семена эти прорастут, и любовь, которую мы склонны приравнивать к Богу, уподобится демоническому.

ДРУЖБА

Перейдем к другому виду любви — дружбе. Прежде (в античности, в средние века, в эпоху Возрождения) и в новейшие времена дружбу ценили едва ли не выше всех прочих родов любви. Дело в том, что она в отличие от привязанности и влюбленности никак не связана с падшей, плотской природой человека и в эпохи, когда этой природой гнушались, дружба ценилась превыше всего. Примерно с XVIII — XIX веков природу и чувства восстановили в правах и по сравнению с «при-

родными» видами любви дружба, наоборот, стала казаться бесплотной и пресной.

Кроме того, дружба соединяет личность с личностью, тем самым она уводит от «толпы» не меньше (если не больше), чем одиночество. В обществе, где массовое становится выше личной ценности, дружба не может восприниматься как положительная ценность, она под подозрением.

К сожалению, зачастую дружбе предпочитают подобное ей, но совсем иное явление, которое можно назвать «приятельством». Его и называют дружбой те, кто не ведает радостей личностного общения. Приятеля, вероятно, есть у всех; друзья — далеко не у каждого. Дружба рождается из духовного или хотя бы умственного родства. Для этого рода любви вопрос «Ты меня любишь?» означает «Ты видишь ту же самую истину?». Поэтому дружба возможна лишь тогда, когда у нас есть нечто, что важнее дружбы самой по себе.

На первый взгляд, дружба нужна обществу. Все великие религии (в том числе и христианство) зародились в кругу друзей-единомышленников. Многие науки, многие школы искусства возникли, когда несколько друзей обнаружили, что одинаково мыслят о чем-то. Но именно эта черта дружбы способна принести и большой вред. Собственно говоря, вопрос заключается в том, чему служит данный дружеский круг: добру или злу? Если он служит чему-нибудь дурному, вред, приносимый им, далеко превосходит тот вред, который нанесли бы обществу (человечеству) те же самые люди поодиночке.

Необычайная духовная сила дружеского союза, как и всякая духовная сила, может служить или очень высокому добру, или очень гнусному злу. Худшие наши грехи — именно духовные, как, например, духовная гордыня, духовная прелесть. Дружба духовна, и потому в ней таятся особенные опасности. Когда человек один в чужой среде, он застенчив, не уверен в себе, склонен сомневаться в своей правоте. Но стоит ему найти друзей-единомышленников, как взгляды его обретают потрясающую незыблемость. Дружба — школа добродетели, но и школа порока. Хорошего человека она делает еще лучше, плохого — еще хуже. В дружбе прежде всего опасно то, что частная и оправданная глухота к чужому мнению может переродиться в глухоту полную и неоправданную, холодную и жестокую. Любые недостатки, приобретенные или закрепленные в дружеском кругу, становятся неизлечимыми. Особенно опасно, что к недостаткам этим, какие бы они ни были, прибавляется тягчайший из грехов — гордыня, оплот демонов.

Опознать гордыню «дружеского круга», как и эгоизм сверхзаботливой матери, нелегко, ибо она, казалось бы, лишена своекорыстия. На самом деле ей свойственно не личное своекорыстие, а «своекорыстие круга». Все мы знаем, какое оскорби-

тельное равнодушие к «чужакам» она способна породить. Поэтому надо особенно зорко следить за тем, чтобы ее не было в нашем общественном дружеском кругу, в нашей православной среде.

Дружба, ставшая кумиром, разрушает самое себя. Быть может, поначалу «гордыня круга» хоть как-то обособлена. Однако и это ненадолго. Круг, возманивший, что он выше других, скоро забудет, что та или иная истина была для него ценнее общности. Он принимает уже не тех, кто видит, мыслит, верует так же, а тех, кто сумеет к нему подольститься. Появляется неизменная «помощь своим» против чужих, то есть лицемерие. Дружба, лишившаяся своей сути, превращается в приятельство самого дурного толка, в «нужные связи».

Таким образом, дружба, как и всякая естественная любовь, не может сама по себе спасти нас. Она духовна, опасности ее тоньше и потому она особенно сильно должна звать к небесной защите. Тропа ее узка. Дружба не может существовать без взаимного восхищения, но она не должна становиться «обществом взаимных похвал». Она предполагает некоторую глухоту к «внешним», но не имеет права на презрение к ним. И чем выше истина, лежащая в основе дружбы, тем ужасней ее искажение. Если дружба основана на вере в Бога, искажение ее — бесовское.

Чтобы избежать этих опасностей, необходимо помнить, что дружба не награда за ум и вкус, но орудие Божие. Не мы правим дружеским пиром — им правит Господь. Он созывает наших гостей. Он избирает нас друг для друга не ради нашего самознания, а ради Своих промыслительных целей.

Уточним одну немаловажную особенность дружбы: то, о чем только что шла речь, ни в малой мере не означает, что дружба должна быть «торжественной». Без легкости, без смиренной простоты дружба очень скоро обретет тот привкус напыщенной неправды, которая неразрывно связана для нас с фарисейской нетерпимостью и самодовольством.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Род привязанности, которую в художественной литературе и в быту обычно зовут «любовью» — влюбленность. Прежде всего вынесем за пределы нашей темы просто вожделение; оно может входить во влюбленность, а может и не входить. Вожделение и влюбленность мы будем различать не из соображений нравственности, а ради точности. Вполне допустимы крепкие и ответственные союзы мужчины и женщины, в которых никакой влюбленности нет и даже никогда не было. Конечно, такой союз вряд ли будет ответственным и крепким, если он не основан на других видах любви: привязанности, милосердия или дружбе. Но сейчас речь пойдет о другом. В наше время многие считают,

что влюбленность — плодили даже личина вождления. На самом деле гораздо чаще человек испытывает поначалу совсем другое, почти духовное чувство. Влюбленному нужна данная личность, а не наслаждение, которое она может дать. Влюбленность чудотворно преобразует нужду в поклонении. Влюбленный стремится к какому-то немислимому в земной жизни полному слиянию с предметом своей любви. Чувство это уничтожает разницу между «я» и «ты», между «брат» и «давать».

Что же до вождления как такового — до, так называемого, секса, — то следует сказать, что современные люди по отношению к нему впадают в две крайности: либо придают ему излишне большое значение, либо предпочитают о нем лицемерно умалчивать. Конечно, плотское соединение мужчины и женщины как земной образ союза между Богом и человеком, как природное таинство, вполне заслуживает серьезного отношения потому, что оно налагает серьезнейшие в мире обязательства. Но многие вещи, серьезные по своей сути, стали бы каким-то странным кумиром, если бы мы не относились к ним слегка иронично. Если мы не обожествляли страсть, мы гораздо легче перенесем ее исчезновение, а она по природе своей исключительно неустойчива.

Чтобы правильно относиться к вождлению, надо правильно относиться к телу. У людей встречаются три основных точки зрения на него: аскеты — язычники и христиане монофизитского толка — видят в нем что-то недолжное и унизительное, темницу души, пищу для червей, поборники материалистических возрений поклоняются ему; истинный христианин, по выражению святого Франциска Ассизского (1181 или 1182—1226), видит в нем «брата осла» — полезную, ленивую, терпеливую, смешную тварь, которая может и умилит нас, и рассердить. Конечно, бывают минуты, когда тело исполнено поэзии, но смешного и непозитичного в нем гораздо больше. Если мы будем помнить об этом, мы избежим тяжелых страданий, связанных с разочарованием.

Нередко полагают, что опасность брака — в недолжной сладе тела (то есть в потворстве вождлению) или души (во влюбленности). На самом деле опасность иная — любовостязание, служение мамоне. Женатому мужчине или замужней женщине труднее искать только Царства Божия и правды его (Мф. 6, 33). Опасности этой можно избежать, если у обоих, у мужа и жены, одна и та же — христианская — система ценностей; но, к сожалению, это бывает намного реже, чем хотелось бы. Если муж или жена не старается жить по той же правде, брак исключительно тяжел, это крест, но бывает, что и такой брак приносит плоды. Конечно, не стоит, зная заранее о таком разномыслии, обрывать себя и другого на ежесекундное мучничество; но если такое случилось в браке уже реально существующем, надо помнить, что неверующий муж освящается верующей женой, жена — мужем.

Христианские мыслители писали о том, что и Брак Христа с Церковью — крестный, мученический брак. Собственно говоря, столь тесное единение и не может быть легким. Это непрестанная забота, неистощимое прощение (прощение, но не попустительствование!), снисходительность к слабостям другого и требовательность к себе. Все это возможно и даже неизбежно в браке христианском; бесплодно и пагубно другое — ради мужа или жены подчиниться закону «мира сего».

Чувство влюбленности очень сильно, оно сильнее страха перед несчастием и даже перед смертью. Влюбленность «яе ищет своего», «побеждает страх», выводит за пределы себялюбия. Она похожа на райскую весть. Но в чистом своем виде она может привести к очень тяжкому злу. Обычно считают, что к греху легче всего приводит бездуховное, низменное чувство. Это не совсем так.

Влюбленность в наше время легко обожествляют, но божественность ее — по сходству, не по близости. Если мы пожертвуем ради нее любовью к Богу, милосердием к ближнему, она не может привести к Царствию Небесному. Ее полное самоотречение — лишь модель, заготовка той любви, которой мы должны возлюбить и Бога, и ближнего, она лишь приближает нас к Тому, Кто есть сама Любовь. Христос как бы говорит нам ее устами: «Вот так радостно, так жертвенно, так полно ты должен любить Меня и всякого меньшего из братьев Моих, а не этого лишь человека».

Но если влюбленный поклонится ей безусловно, она превратится из подобия Божественной в бесовскую. Опасность ее в том, что она требует именно безусловного подчинения и поклонения. Она по-ангельски не слышит зова самости, по-бесовски не слышит ни Бога, ни ближнего. Из всех видов любви она, на высотах своих, более всего похожа на Любовь Божию и потому легче всего становится идолом. Подчеркнем: идолом, ложным богом просто становится сама влюбленность, а не любимый человек. В браке просто невозможно обоготворять мужа или жену — этому мешает привязанность и домашняя простота. Но и вне брака навряд ли часто обожествляют влюбленных; влюбленные поклоняются самой влюбленности, и она легко берет на себя Божественные полномочия.

Когда человек говорит: «Я это сделал ради любви», он не стыдится, а гордится. У влюбленности свой закон, и те, кто ему подчиняются, выходят за пределы добра и зла. «Любовь» оправдывает их поступки — не только грехи против целомудрия и супружеской верности, но и (что особенно страшно) несправедливости, безжалостности. Ради влюбленности люди часто обижают родителей, оставляют детей, разрушают семьи. Не считаются с ближними, заставляют их страдать.

Однако идол, как всякий лжебог, обманывает их. Влюблен

ность — самый непрочный вид любви. Пока человек влюблен, он об этом помнить не может. У него не надо просить обетов — он только и думает, как бы их дать, и «навсегда» — чуть ли не первое слово любовных объяснений. Даже тот, кто непрестанно влюбляется, каждый раз искренне думает, что именно нынешнее чувство вечно. Понять это легко. Влюбленность очень быстро и сильно меняет нас. Она мгновенно преодолевает нашу самость, одухотворяет похоть, ставит свои ценности выше всех земных радостей и мы, без всяких усилий выполняем заповеди о любви к ближнему, но лишь по отношению к одному человеку. Но самой влюбленности никогда не удается сохранить для нас это состояние.

Тот, кто возлагает надежду только на влюбленность, неизбежно разочаруется и начнет винить другого или саму любовь. На самом деле он может винить только себя за то, что понадеялся на простое, весьма проходящее чувство. Влюбленность дает за человека обеты, а выполнить их должен он сам. Люди, стремящиеся к истинному, ответственному союзу, знают, что это скромное с виду дело требует смирения, милосердия и благодати Божией, то есть жизни во Христе. Если всего этого нет, влюбленность гибнет и конец ее ужасен. Былые влюбленные мучают друг друга — берут, не давая, досадают, борются за власть над другим, за собственную свободу, понирая милосердие, наслаждаются мстью, унижением того, кого лишь вчера страстно превозносили. Жизнь их настолько же можно уподобить аду, насколько пору влюбленности они уподобляли небесам.

Таким образом, каждый из естественных видов любви гибнет, страшно искажается, если становится идолом, кумиром. Естественной любви недостаточно; жизнеспособна и добра она лишь тогда, когда на помощь ей приходят христианские добродетели и благодать Божия.

Когда этого нет, естественная любовь мещает любви к Богу. В наше время об этом труднее говорить, чем прежде, ибо естественная любовь сейчас состязается главным образом с любовью к себе и потому опасно требовать от человека, чтобы он отринул влюбленность и привязанность: быть может, он до них еще не дорос. Очень легко не любить ближних и думать, что это от любви к Богу. Некоторым совсем нетрудно ненавидеть жену или мать. Прежде, чем говорить о соперничестве естественной любви с любовью к Богу, подчеркнем эту опасность.

Верующие люди, особенно новообращенные, нередко считают, что нельзя прилепляться сердцем к кому-либо кроме Бога хотя бы потому, что любовь к людям чревата страданиями. Такой взгляд совершенно неверен. Господь ничуть не поощряет тягу к лишенной страданий жизни. Тяга эта типична не для христианства, а для античных стоиков. Христос особенно любил Своего ученика Иоанна. Он плакал над умершим Лазарем. В

сущности, высокая, «духовная» застрахованность от страдания — просто миф. Если хочешь оградить свое сердце, не отдавай его ни человеку, ни животному, но тогда оно окажется скорее всего не во власти Бога, а в подчинении мелким греховным прихотям и бесу себялюбия.

Наверное, самая беззаконная, самая неистовая любовь не так противна Богу, как черствость: *Я знал тебя, что ты человек жессткий* (Мф. 25, 24). К Богу же мы приближаемся, не избегая страданий, а принимая их ради Него.

Конечно, всякая естественная любовь может стать неумеренной, но это не значит «неосторожной» или «слишком большой». Естественная любовь неумеренна тогда, когда мы предпочитаем ее, а не Бога, если встает такой выбор. Ее надо отвергнуть, когда она мешает следовать за Ним. Вспомним слова Христа о ненависти к родным (Лк. 14, 26). Разумеется, речь идет не о ненависти в житейском смысле слова — не о злобе, не о досаде, не о желании зла. Христос учит, что человек, служащий двум господам, возненавидит одного и возлюбит другого. Дело не в чувствах, не в отращении и восхищении — такой человек будет служить одному, а не другому, соглашаться с ним. Наша «ненависть» к родным должна заключаться в том, чтобы мы не соглашались с ними, не слушались их, когда они требуют от нас измены заветам Христа. Они могут счесть это ненавистью, но это ничуть не противоречит заповеди *почитай отца твоего и мать твою* (Исх. 20, 12) и вообще любви к ближним.

Трудно это или легко? Властным людям — слишком легко, милостивым и любящим — очень трудно. Важно так поставить дело, чтобы близкие знали заранее, какими ценностями мы не можем пожертвовать ради любви к ним. Тогда и самый выбор, и семейный конфликт будет намного легче. Однако для христианина он всегда возможен и надо об этом помнить. В сущности, если возлюбленная или друг этого не понимают, лучше избегать такого брака и такой дружбы. Родителей и детей мы не выбираем, и ценностный конфликт с ними чрезвычайно распространен.

МИЛОСЕРДИЕ

Но кроме естественной любви есть еще и любовь благодатная. Прежде всего Господь делает нас соучастниками Своей Любви. Это совсем не то, что любовь-дар. Люди, любящие естественной любовью, хотят другому добра на свой лад и вкус. Кроме того, естественная любовь обращена лишь к тем, кто нам нравится, кто кажется нам достойным любви. Божия Любовь, действуя в нас, дает нам силу любить и невыносимых. Такая любовь обычно зовется милосердием. Каждый из нас нуждается в нем, но далеко не каждый умеет и хочет его принять. Нам хочется, чтобы нас любили за что-то; высший же вид

любви, Любовь Божия, нас обожает. Тот же, кто может и хочет ее принять, уже вышел за пределы мирских отношений.

Милосердие ни в малой мере не отменяет естественных видов любви. Напротив, они могут устоять и принести добрый плод лишь тогда, когда сплавлены с милосердием, как бы умножены на него. Любое проявление естественной любви, не содержащее греха, может стать проявлением благодатной любви-нужды или бескорыстной, ненавязчивой любви-дара. Игра, еда, шутка, беседа — все может быть формой, в которой мы прощаем или принимаем прощение, утешаем или принимаем утешение, не ищем своего. Полное, надежное преображение естественной любви — такой тяжкий труд, что, наверное, ни один падший человек не выполнил его; по-видимому, это удалось лишь святым. Однако без этого труда ни в каком виде любви ничего не выйдет.

Труд любви-милосердия — самый тайный из всех трудов. Мы и сами, насколько возможно, не должны его замечать. Хорошо, если мы начинаем игру с ребенком, который до этого провинился, чтобы показать, что мы его простили; но настоящее милосердие так настроит душу, что нам самим захочется поиграть с ребенком.

Нужно развивать в себе милосердие-нужду. Надо помнить, что в каждом из нас есть какая-то невыносимо отвратительная черта. Если человеку кажется, что можно прожить и без милосердия, без проявления терпимости, без кротости и жалости, то, значит, он еще не приобщился к христианской жизни.

ХРИСТИАНСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СТРАДАНИЯ В ДЕЛЕ ПАСТЫРСКОГО ДУШЕПОПЕЧЕНИЯ

Бог все устроил в мире на благо людям. Бесспорно, страдание само по себе, не осмысленное олухотворенным разумом, остается злом, с которым нужно и можно бороться; но оно может быть обращено и на нашу пользу.

К страданию можно отнестись двояко: или как раненый зверь, убегающий в свою берлогу, чтобы там стонать и умереть, или как духовный человек, решивший укрепить себя в испытании.

Никто не знает себя самого, пока не прошел через страдания. Болезни, недоброжелательство окружающих людей, рухнувшая мечта о любви, о личном счастье, разочарование в близком человеке, тяжелое горе, кончина близких, одиночество, отбывание наказания нередко заставляют задуматься и дать своей жизни трезвую оценку, начать поиски иного направления. Кто знает человек, который всеми силами избегал страдания? Лишь тот, кто страдал, может смотреть на жизнь открытыми глазами и видеть все, что в ней есть серьезного и великого. Господь посылает испытания для блага человека. Получив удар, челове-